



БАЮН

ИСТОРИИ ВЕЛЕГРАДА

18+

Александр Эрмес
Баюн. Истории Велеграда

«Автор»

2026

Эрмес А.

Баюн. Истории Велеграда / А. Эрмес — «Автор», 2026

В Велеграде можно оплатить квартиру — и не попасть домой. Найти выход из затопленного тоннеля — и пожалеть, что не спросил, куда он ведёт. А одна забытая перчатка способна сорвать вечер людям, с которыми лучше не ссориться. За окнами ресторанов, под новыми набережными и в старых подъездах продолжается жизнь, которой нет на городской карте. Здесь нечеловеческое умеет выглядеть вполне прилично, а давнее обещание может предъявить счёт за семейным ужином. Баюн рассказывает о тех, кто хотел спокойно закончить смену, спасти товарища или наконец пожениться без чужого разрешения. Иногда им страшно. Иногда смешно. И даже в самые скверные вечера находится место горячей еде, поцелую и человеку, который решит остаться рядом. Семь самостоятельных рассказов во вселенной «Ряда». Знакомство с городом и его скрытыми правилами перед выходом первого романа «Чужое право». Добро пожаловать. Только уточните, кто вас пригласил.

© Эрмес А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Запасной ключ	5
После закрытия	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Александр Эрмес

Баюн. Истории Велеграда

Запасной ключ

В тот вечер Руслана выселили из дома одним движением большого пальца.

Квартиру он ещё снимал. За воду платил. Две коробки с книгами стояли под кроватью, в холодильнике лежала курица, а на балконе сохли единственные приличные брюки. Но приложение сообщило: «Ваша связь с объектом прекращена».

Объектом был дом на Сосновой улице в Велеграде. Двадцать три этажа, подземная парковка, кофейня с дорогими булками. Руслан прожил там девять месяцев и до этого вечера полагал, что связан с ним довольно прочно.

Он приложил телефон к считывателю ещё раз.

Тот засветился красным.

— Да я понял, — сказал Руслан.

За стеклом сидела Нина Павловна. Она увидела его, нажала кнопку под столом и махнула: входи.

Стеклянная дверь открылась.

Так Руслан впервые за день выиграл у приложения.

Историю он рассказал мне сам. Нина Павловна кое-что поправила и разрешила рассказывать, только велела не называть номер квартиры. Я согласился. Люди, которые не пытаются гладить едящего кота, заслуживают небольших уступок.

Я убрал ещё и фамилию владельца. Впрочем, он до сих пор уверен, что дело было в некачественной установке.

На столе у консьержки лежали картонная коробка, термос и билет на поезд. Над пустым крючком висел маленький календарь с пляжем. Календарю было три года. Билету — два дня.

— У меня домофон сломался, — сказал Руслан.

— Домофон новый. Три недели как поставили.

— Значит, успел.

Нина Павловна посмотрела на экран его телефона.

— Владельцу позвони.

Руслан позвонил Вадиму. Тот ответил сразу, будто держал телефон в руке.

— Ты сообщение видел?

— Про объект?

— Моё сообщение.

Руслан открыл чат. Сообщение пришло час назад, когда он на другом конце города менял разбитое стекло в двери пекарни.

«Обстоятельства изменились. Квартиру нужно освободить сегодня. Брат приедет за ключами в девять».

— У нас до конца месяца оплачено.

— Я верну остаток.

— Вадим, девять вечера. Куда я сейчас дену вещи?

— У брата сложная ситуация. Он с ребёнком.

— А у меня завтра с утра дочь.

Вадим помолчал.

— Ты же говорил, она с матерью живёт.

— Живёт. А по субботам приезжает ко мне.

— Давай без этого. Я тебе заранее написал.

Руслан посмотрел на время отправки сообщения. Потом на пакет в руке. В пакете лежали яблоки, молоко и замороженные пельмени — дочь предпочитала их всему, что он умел готовить.

— Я домой поднимусь. Потом поговорим.

— Электронный доступ я снял. И консьержке сказал, чтобы ключ не давала. Я сейчас сам подъеду.

Связь оборвалась.

Нина Павловна сняла очки.

— Ключ от квартиры у тебя с собой?

Руслан опустил пакет на пол.

Ключи остались в другой куртке. Утром он торопился, а привычка открывать двери телефоном постепенно вытеснила привычку проверять карманы. Телефоном открывался подъезд, лифт поднимал на нужный этаж. Из квартиры он вышел последним и просто захлопнул дверь.

— Нет.

— Понятно.

За спиной у Нины Павловны висел узкий шкафчик. В нём было сорок семь крючков с запасными ключами. Жильцы оставляли их на случай, если захлопнут дверь, вернутся из больницы без сумки или потеряют всё вместе с курткой.

Руслан оставил свой в первую неделю. Нина Павловна попросила принести маленький конверт, написать имя и номер квартиры, а потом расписаться в тетради. Она сказала: «Тебе отдаю или тому, кого ты заранее назовёшь. Больше никому».

Он тогда спросил, нужна ли копия паспорта.

Она ответила, что ей нужен ключ.

Теперь Нина Павловна открыла шкафчик.

Остальные крючки были пусты. Последний белый конверт лежал на верхней полке.

— Сегодня всех раздавала, — сказала она. — Ты поздно приходишь, тебе оставила.

Рядом с конвертом стояла маленькая жестяная банка. На крышке был нарисован олень. Из таких когда-то ели леденцы, а потом хранили всё, что жалко выбросить и неудобно назвать ценным.

— А ключи теперь где будут? — спросил Руслан.

— Где решите.

Он посмотрел на коробку и билет.

— Вы правда уезжаете?

— В восемь сорок утра. До моря.

— Я думал, вы только в чате ругаетесь.

— В чате я ругаюсь. А на море еду.

Жильцы решили, что нового домофона достаточно. Ночной охраны у них всё равно не было, дневная консьержка обходилась дорого. Нина Павловна голосовала за уход консьержки вместе со всеми: у неё болели колени, а сестра четвёртый год звала пожить возле моря.

Против она голосовала только однажды — когда председатель предложил забрать запасные ключи в офис управляющей компании.

Офис находился в другом районе и закрывался в шесть.

Нина Павловна вынула конверт. Руслан протянул руку.

Банка с оленем упала.

Она ударилась о стол так громко, что Руслан отдёргнул пальцы. Крышка покатилась к краю. Внутри что-то сухо заскреблось.

— Мышь? — спросил он.

— Какая ещё мышь.

Нина Павловна поставила банку обратно. Крышку не надела.

Руслан заглянул внутрь. Там лежали катушка чёрных ниток, два мебельных винта и обломок старого ключа.

Ничего живого.

— Последний, — сказала Нина Павловна куда-то мимо него. — В руки отдаю. Как брала. Она вложила конверт Руслану в ладонь, задержала на секунду и отпустила.

— Теперь поднимайся. И дверь за собой закрой.

До лифта он не дошёл.

Входная дверь дёрнулась с улицы. За стеклом стоял Вадим в распахнутой куртке, с телефоном у считывателя. Считыватель светился зелёным.

Дверь не открывалась.

Вадим потянул сильнее, посмотрел на экран, снова приложил телефон. Зелёный огонёк мигнул. Замок щёлкнул, но створка не двинулась.

— Новый доводчик, — сказала Нина Павловна.

Руслан подошёл и толкнул дверь изнутри. Она легко отворилась.

Вадим вошёл, отряхнул с рукава дождь и увидел конверт.

— Я же просил не отдавать.

— Он мой, — сказал Руслан.

— Ключ от моей квартиры.

Нина Павловна вернулась к коробке. Положила туда термос, вынула, завинтила крышку и поставила отдельно.

— Мне Руслан оставил. Руслану вернула.

— Я собственник.

— Я консьержка. До десяти.

Вадим повернулся к Руслану.

— Слушай. Я не хочу скандала. Брат с женой разошёлся, им сегодня негде ночевать. Мне нужно, чтобы ты вошёл в положение.

— Я вошёл. В подъезд.

На секунду стало тихо. Потом Руслан сам поморщился. Такая шутка казалась ему удачной до того, как он её произнёс.

— У меня оплачено ещё три недели, — сказал он. — И договор есть. Своих я к вам жить не присылаю.

— Я предложил вернуть деньги.

— Мне ещё квартиру найти. Потом машину. Потом собрать вещи. Я могу срок сократить, если нормально договоримся. Сегодня — нет.

Вадим протянул руку к конверту.

Руслан убрал его за спину.

— Давайте без рук.

— Отдай ключ.

— Нет.

Вадим шагнул ближе.

С верхней полки шкафчика сорвалась банка. В этот раз никто не стоял рядом с ней.

Крышка съехала со стола следом за ней. Вадим наступил на неё, поскользнулся и схватился за край стола. Руслан успел подхватить его за плечо. Коробка с чашками упала. Одна чашка разбилась.

От удара крышка укатилась под стул.

Вадим выпрямился, резко высвободил руку.

— Уберите этот хлам!

Нина Павловна смотрела на осколки. На одном осталось начало надписи: «Лучшей...»

Руслан поднял коробку. Вадим отступил к двери.

Из жестяной банки донёлся один короткий стук.

— У вас там что? — спросил Вадим.

— Винты, — ответила Нина Павловна.

Больше она ничего не объяснила.

Вадим достал телефон. Руслан увидел открытый чат. На верхнем сообщении стояло: «Мы уже едем».

С детьми удобнее обещать чужую квартиру. Очень трудно потом объяснять, что обещать было нечего. Вадим смотрел в телефон достаточно долго, чтобы Руслан перестал ждать нового требования.

— Я могу в следующую субботу выехать, — сказал Руслан. — Если найду куда. Вы вернёте за оставшиеся дни и залог в день выезда. Сейчас это напишем.

Он сам не хотел уходить. Из этого дома было удобно забирать дочь после школы. В соседней пекарне ему иногда оставляли работу. Квартира была маленькая, но там всё наконец стояло на своих местах.

Про эту часть он рассказал мне особенно подробно. Будто я собирался похвалить его за великодушие.

— А если не найдёшь? — спросил Вадим.

— Остаётся наш договор. И доступ вы мне сегодня вернёте.

— Иначе?

— Иначе я не буду следующий час тратить на уговоры.

Руслан положил на стол телефон. На экране был номер полиции. Вадим посмотрел на него, потом на конверт.

Нина Павловна протянула им лист бумаги. На обороте был список квартир, не оплативших замену домофона.

— Пишите с чистой стороны. Ручка вот.

За пятнадцать минут они записали то, что вполне могли обсудить днём. Руслан сфотографировал лист, Вадим отправил ему такой же текст в чат и восстановил доступ. Потом позвонил брату и сказал, что сегодня придётся ехать к нему самому.

— Я же говорил, что ненадолго, — услышал Руслан.

Брат ответил громко. Вадим отошёл к выходу.

Когда он потянул дверь, она снова не поддавалась.

— На себя, — сказала Нина Павловна.

— Я на себя и тяну!

Она подошла, открыла дверь, придержала её.

— Доброй ночи.

Вадим вышел, не ответив.

Руслан подобрал осколки. Нина Павловна нашла среди них маленький керамический цветок от ручки, подержала на ладони и выбросила вместе с остальными.

— Давайте я вам такую же куплю.

— Не надо. Мне эту сын подарил.

Он остановился с пакетом для мусора в руке.

— Завтра ещё можно?

— Нет, Руслан. Завтра у меня поезд.

Он впервые заметил, что она устала. Ключи в шкафчике до этого дня никогда не кончались. Жильцы уходили и приходили, кто-нибудь непременно забывал свой, кто-нибудь оставлял новый. А теперь крючки были пусты, чашка разбита, коробка собрана.

Руслан хотел спросить про банку. Вместо этого спросил:

— Вам машину на вокзал вызвать?

— Сын отвезёт. В шесть придёт.

Она протёрла стол, выжала тряпку над ведром и повесила её на батарею. Руслан помог поднять коробку на подоконник.

— Банку тоже паковать?

— Эта здесь остаётся.

— Ничья?

Нина Павловна взяла паузу.

— Тот, чья она, никуда не едет.

Руслан решил, что речь о председателе. Председателю принадлежали два помещения в доме и фраза «давайте без эмоций», которой он отвечал на запах канализации.

Руслан уже взял пакет с продуктами, когда Нина Павловна сказала:

— Если захочешь ключ опять оставить, решите, у кого. Я за вас не выберу.

— В ящик положим.

— А кто отдаст?

Он посмотрел на шкафчик. За дверцей лежала тетрадь, где напротив каждой фамилии было записано, кому можно выдавать ключи. Имелись зачёркнутые имена, новые телефоны, пометка «не будить после операции».

Положить ключи в ящик было легко. Не хотелось потом отвечать на звонок, когда ты уже заснул, или выяснять, отчего человек, уверяющий, что он муж, отсутствует в списке.

— Я до десяти обычно работаю, — сказал Руслан.

— Я знаю.

— Постоянно не смогу.

— И не берись постоянно.

В лифте он открыл чат дома. Вадим написал там раньше него: «Возник небольшой технический сбой. Вопрос решён».

Руслан приложил фотографию пустого шкафчика.

«Кто хочет оставить запасной ключ в доме, давайте решим, кто будет хранить. Я могу брать на выходные. Не от всего дома, человек от пяти. В будни нужен кто-нибудь ещё. И порядок выдачи тот же, как у Нины Павловны».

Первой откликнулась женщина с четырнадцатого этажа. Она работала из дома и могла хранить четыре конверта, но сразу предупредила: чужим мужьям ничего не выдаст, даже если они будут плакать.

Потом написал мужчина с третьего. Он дежурил сутки через трое и предложил подменять её.

Председатель прислал сообщение про ответственность. Инга попросила его тоже взять четыре конверта. Он больше не писал.

Руслан убрал телефон.

Он поднялся в квартиру, положил молоко в холодильник и проверил балкон. Брюки намокли под дождём. Придётся сушить утюгом. Потом он позвонил дочери.

— Завтра приедешь?

— Ты пельмени купил?

— Купил.

— Тогда приеду.

О новом сроке выезда он ей в тот вечер не сказал. Он не всё делал правильно. Она узнала позже, рассердилась, и искать новую квартиру они в конце концов ездили вдвоём.

Но это уже другая часть истории.

Без десяти десять Руслан спустился. Он принёс две чашки без надписей и стул из квартиры. У него было два таких: на одном расшаталась ножка, второй стоял крепко. Вниз он отнёс крепкий.

— Стул кому? — спросила Нина Павловна.

— Тут старый совсем.

Она пошевелила офисное кресло. Из спинки торчал край сломанной пластмассы.

— Старый, — согласилась она.

На стол Руслан положил свой запасной ключ.

— Женщина с четырнадцатого завтра заберёт. Мы договорились.

— Имя у неё есть.

— Инга. Я спросил.

— Вот ей и отдашь. В руки.

Она не стала открывать шкафчик.

Руслан спрятал конверт обратно в карман, перенёс коробку к выходу и выкинул сломанный стул в контейнер для крупного мусора. Когда вернулся, Нина Павловна уже надела пальто.

— Спасибо, — сказала она. — Ты наверху дверь закрой. Сегодня лучше.

Он проводил её до такси: на последнюю ночь она ехала к сыну. Таксист хотел положить коробку в багажник, но Нина Павловна взяла её на колени.

Машина уехала.

Руслан пошёл обратно и вдруг увидел сквозь стекло, что за столом кто-то сидит.

Человек был очень маленький. Взрослый мужчина в сером вязаном жилете, на котором поблёскивали крошечные катышки. Он сидел на принесённом стуле, болтал ногами и рассматривал чашки.

Руслан остановился возле двери.

Мужчина поднял голову.

Лицо было широкое, морщинистое. Борода торчала редкими пучками. Пальцы лежали на краю чашки; Руслан смог сосчитать все пять на одной руке. По размеру та была как рука младенца.

Мужчина посмотрел на пустой шкафчик. Затем на карман Руслана, где лежал конверт.

Руслан поднял телефон к считывателю.

Мужчина покачал головой.

На секунду Руслану захотелось уйти. Потом он вспомнил курицу, мокрые брюки и то, что завтра должна приехать дочь.

Он убрал телефон.

— Я дома живу, — сказал он через стекло. — Руслан. Вы меня видели.

Маленький мужчина встал на стул. Перегнулся через стол и дотянулся до кнопки.

Дверь открылась.

Руслан вошёл.

За столом уже никого не было.

Он обошёл его, заглянул под стол. Отсунул пустую коробку из-под бумаги. Под ногами ничего не шевелилось. До ближайшей двери было шесть метров, и она всё время оставалась у него перед глазами.

У жестяной банки лежала катушка. Чёрная нитка тянулась от неё к трещине в дне разбитой чашки.

Чашка стояла на столе. Все осколки были на месте. Только ручка держалась на чёрных стежках, проложенных сквозь керамику.

Руслан прикоснулся к ней.

Тёплая.

Внутри лежал маленький керамический цветок.

Он оставил чашку там, где нашёл, и поднялся пешком.

Утром он принёс Инге свой конверт. Попросил сначала записать номер телефона и сказал, кому можно отдавать ключ. Потом попросил вернуть его на минуту и передал ещё раз, уже без спешки.

Чашку Нина Павловна получила по почте. Руслан завернул её в три слоя пузырчатой плёнки и написал: «Снова нашёл. Решил, что вам нужна».

Она позвонила, поблагодарила и спросила, понравился ли стул.

Руслан сказал, что, кажется, понравился.

Теперь в этом доме трое людей хранят запасные ключи. Можно никому не оставлять. Многие и не оставляют.

Инга иногда даёт интервью соседям про систему взаимопомощи. Председатель рассказывает, что предложил её первым. Вадим сменил установщика домофона.

А Нина Павловна прислала открытку с моря. Руслан приколол её за столом, над жестяной банкой.

На открытке она написала: «Погода хорошая. На работу не выйду».

Я заходил в тот подъезд после её отъезда. Стул занят. Пока держит.

После закрытия

Когда у Платона перестали сгибаться два пальца, до конца смены оставалось сорок минут.

Он сунул руку под холодную воду и смотрел, как струя стекает по запястью. Пальцы онемели, зато вся ладонь горела. За стеной каталась по плитке тележка: Раиса Фёдоровна собирала простыни, а последнего посетителя, который никак не мог найти собственные трусы, уже дважды просили проверить карман пальто.

Бани на Кузнечной закрывались в одиннадцать. Велеград за их окнами продолжал работать: через мост шли грузовики, в соседней пекарне принимали муку, кто-то сигнализировал так настойчиво, будто пробка могла расступиться из уважения. Здесь ночная жизнь начиналась с выключения света.

Платон хотел дотянуть до этого выключения.

Крышка сервисного люка придавила ему кисть полчаса назад. Он сам убрал подпорку, чтобы поскорее добраться до заевшего крана, и сам подставил руку. Начальник велел обслуживать вдвоём. Второго человека в смене не было уже третий месяц, но приказ оставался исправен.

На кухонном столе у Платона лежал конверт с надписью «Квартплата». В нём не хватало семи тысяч. Премия за месяц составляла восемь.

Поэтому, когда Раиса спросила, чего он так долго моет руки, Платон ответил:

— Да растворитель попал.

Она посмотрела на бутылку жидкого мыла.

— Богатый у нас растворитель. С запахом дыни.

Платон отвернулся.

Эту историю мне рассказала Раиса Фёдоровна, которая умеет молчать не хуже, чем ругаться. Платон потом разрешил оставить его имя и попросил вычеркнуть название пива, которое они пили после. Говорит, выглядело бы рекламой. Не знаю. Если бы я рекламировал что-нибудь, то сметану.

Леонид Сергеевич приехал без пяти одиннадцать. Он управлял банями от имени владельца, носил мягкие ботинки, которые никогда не скрипели на мокром полу, и по воскресеньям бегал для здоровья. Работникам об этом сообщали по понедельникам.

— Что с рукой?

Платон убрал её за спину.

Управляющий вздохнул, попросил показать и сразу сказал, что надо в травмпункт. Платон даже почувствовал облегчение. Потом Леонид Сергеевич спросил, где именно это случилось, и облегчение прошло.

— В тепловом узле.

— Ты же туда один не заходил?

Платон не ответил.

В коридоре остановилась тележка.

— Ясно. Раиса Фёдоровна, вы видели?

— Сейчас вижу.

— Сам момент.

— Не видела.

— Тогда давайте без поспешных выводов. Человеку помочь нужно.

Он говорил тихо и вполне искренне. Платону вдруг стало стыдно за то, что тот приехал поздно вечером разбираться с его глупостью.

— Может, просто ушиб, — сказал он.

— Конечно. Но если оформлять всё сразу, остановим участок, пойдёт проверка. Премияльные придётся придержать. Не только твои.

Раиса поставила тележку поперёк коридора.

— Объясни ему лучше, почему в тепловом узле один человек.

— Потому что второго ещё не нашли. Вы же знаете.

Они посмотрели друг на друга. Платон знал этот взгляд: после него всю неделю приходилось работать между двумя людьми, каждый из которых просил передать другому что-нибудь неприятное.

— Давайте я завтра схожу, — предложил он. — Сейчас само пройдёт.

Леонид Сергеевич помолчал, потом посмотрел на дверь малого отделения.

— Есть ещё вариант. Старый способ. Ночью здесь иногда дают человеку выйти из рабочего дня. Чтобы случившееся осталось в нём.

Раиса выругалась. Не особенно громко, но Платон впервые услышал от неё именно это слово.

— Я сам так однажды выходил, — продолжил управляющий. — Сдал день, получил следующий. Чистый.

— А потом три месяца приходил к восьми вместо десяти, — сказала Раиса.

— У нас был трудный период.

— У тебя. Ты даже на похороны к тестю с телефоном пошёл. Всё спрашивал, открыли ли баню.

Леонид Сергеевич поправил ремешок часов.

— Платон взрослый человек. Объяснить можно, решить должен он.

Из малого отделения донёсся звук ковша, положенного на дерево.

Последний посетитель давно ушёл.

У Платона шевельнулся больной палец. Он так обрадовался, что едва не пропустил следующую фразу.

— Пока ты здесь, твоё рабочее имя ничего не значит. Ни должность, ни служебный пропуск. Соглашается сам человек. Тебе предложат цену. Не подходит — уходишь.

— Сначала пусть врач предложит, — сказала Раиса.

Но Платон уже смотрел на дверь.

В малом отделении горела одна лампа. Под ней стояли два сухих таза, а на нижней полке сидел человек с узкой мокрой спиной. Седые волосы доходили до плеч; кожа на локтях была сморщена, как будто он слишком долго пролежал в воде.

На нём были только старые войлочные тапки.

Платон не слышал, чтобы Леонид Сергеевич вошёл вслед за ним. Дверь закрылась, и коридор исчез, хотя снизу оставалась полоска света.

— Показывай, — сказал человек.

Платон протянул руку.

Человек не прикоснулся к ней. Только наклонился, будто рассматривал занозу.

— Снять это не могу. Ты её придавил.

— А день?

— День можно оставить. Для этого и пришёл?

— Чтобы на работе не считалось.

Человек наконец поднял голову. Глаза у него были маленькие, раздражённые. Таким взглядом смотрят на посетителя, который принёс в парную стеклянную бутылку.

— Тогда слушай. Здесь оставишь свою жалобу на сегодняшний рабочий день. Боль выйдет с тобой. Жалоба останется до тех пор, пока ты вместо него не примешь следующий день целиком.

— Какой следующий?

— Когда позовут. На том же месте. Что этот день отдаст, то тебе и нести. Отработаешь — сегодняшний закроется. Здесь закроется. Бумаги снаружи сами себе пишете.

Он говорил медленно, давая время понять каждое слово. Платон подумал о семи тысячах и о том, что никакого другого дня, кроме следующей смены, у него всё равно нет.

— А если не позовут?

— Будет лежать.

— Долго?

Человек пожал плечами.

— А если передумаю?

— Заберёшь свой день обратно. Но что здесь уже начнёшь, с тем и выйдешь. Прежде реши.

Платон услышал за дверью голос Раисы. Слов было не разобрать.

— Приму, — сказал он.

— Своим именем?

— Платон. Своим.

Человек перевернул один из тазов. Под ним лежала сложенная серая простыня.

— Садись.

Платон сел на нижнюю полку. На мгновение ему стало легко — не в руке, а где-то ниже груди, где весь вечер давило ожидание разговора с начальником. Он даже улыбнулся.

И тут в отделении щёлкнуло.

Звук был знакомый: так щёлкал автомат вентилятора в тепловом узле, прежде чем выйти на обороты.

Человек взял серую простыню и пошёл к двери.

— Этот посмотрел. Теперь твоя очередь.

— Подождите. Сейчас?

Дверь открылась. За ней вместо коридора стояла темнота, пахнувшая железом и мокрой пылью.

В глубине кто-то ударил по трубе.

Платон вскочил.

— Я думал, смену.

— Думал, — подтвердил человек. — А принял день целиком.

Первое время он ещё видел лампу за своей спиной.

Потом повернул за угол — и оказался у сервисного люка. Крышка была поднята. Подпорка, которую он вынул, лежала на плитке, сухая, чистая, словно её только что принесли со склада.

Телефон в кармане показывал 23:07. Связи не было. Фонарик работал.

В обычном тепловом узле до дальней стены было пять шагов. Здесь свет телефона терялся между трубами, а сзади уже шумел душ. Платон потянулся к замку: на служебном пропуске висел магнитный ключ. Ключ приложился к железу и остался на нём, а пропуск на шнурке выскользнул из кармана. Фотография на пластике побелела.

Платон провёл по ней большим пальцем. Снова посмотрел на дверь.

Он услышал голос Леонида Сергеевича. Совсем близко:

— Платон, ты там? Открой.

Платон прижался ухом к двери.

— Где вы?

— Снаружи. Возьми служебный ключ, он висит слева. Только не трогай подпорку.

Слева висел ключ с жёлтой биркой. Платон потянулся к нему здоровой рукой, потом остановился.

Управляющий никогда не знал, на каком гвозде висят ключи. Если закрывал баню, всегда просил Раису подать нужный.

— Леонид Сергеевич?

— Ты что, оглох? Открой, мне же завтра за всё отвечать.

Платон опустил руку.

За дверью тихо засмеялись.

Он попятился, задел локтем трубу и закричал от боли. Рука всё ещё принадлежала ему. Никакой чистый день ничего с ней не сделал.

На полу выступила вода. Сначала тонкой полосой из-под люка, потом сразу по швам плитки. Платон бросился к крану, который собирался чинить, но вместо маховика увидел гладкий мокрый обод. Повернуть его больной кистью было невозможно. Он вцепился двумя руками, поскользнулся и ударился коленом.

Вода была горячей.

Он кое-как поднялся, уже хромая, и понял, что не выдержит здесь целого дня. В настоящей смене можно позвать Раису, найти лом, перекрыть подачу снаружи. Здесь ему предложили остаться одному со всем, что он привык называть мелочью.

А он согласился.

Платон постучал в дверь. Потом забарабанил ногой.

— Я не могу!

Шум воды заглушил собственный голос.

Тогда он лёг на живот, подставив под грудь сухую пока куртку, и крикнул в щель:

— Раиса! Если слышишь, не уходи!

С той стороны что-то скребнуло. Под дверью появился угол белого полотенца.

— Не могу уйти, — сказала она. — Я ботинок в дверь поставила.

— Зачем?

— Тебя жду, дурень.

Платон вцепился в полотенце здоровой рукой.

В коридоре, как потом выяснилось, прошло одиннадцать минут.

Платон снова стоял в малом отделении, по щиколотку в воде, а Раиса удерживала дверь сломанной шваброй. Полотенце тянулось между ними. Вода не выходила за порог.

Раиса не знала, что видел Платон. Она услышала, как он ударил по двери, и этого оказалось достаточно.

— Просто выходи, — сказал управляющий. — Ты сотрудник. Здесь я решаю.

Платон попытался шагнуть. Вода дёрнула его за голень так сильно, что он едва не упал.

Человек в войлочных тапках снова сидел под лампой. На этот раз серую простыню он держал на коленях.

— Пропуск оставь, — сказала Раиса. — Он тебе здесь не поможет.

Платон уже и сам это понял. Но пропуск висел на шнурке, а с ним на шнурке были восемь тысяч премии, съёмная комната и привычка приходить раньше всех, чтобы к открытию всё работало.

— Я не принимаю этот день, — сказал он человеку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.